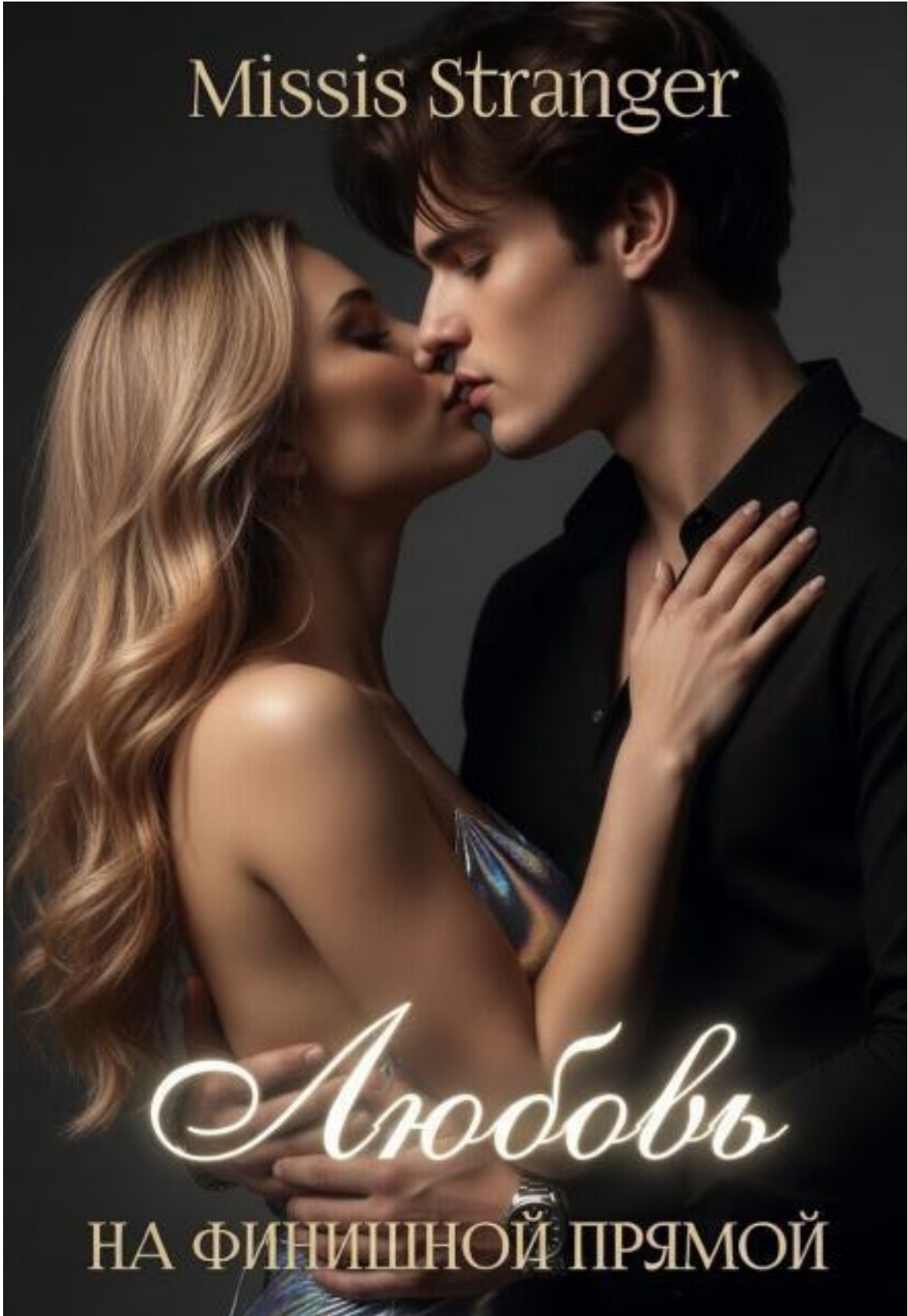

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a strapless, shimmering blue dress. The man has dark hair and is wearing a black shirt. They are positioned in the center of the frame against a dark, gradient background. The lighting is soft and focused on their faces, creating a romantic atmosphere.

Missis Stranger

Любовь

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Missis Stranger

Любовь на финишной прямой

«Литнет»

2026

Stranger M.

Любовь на финишной прямой / М. Stranger — «Литнет», 2026

Лера отчаянно пытается вернуться к своей прежней, идеальной и размеренной жизни. Даже пробует начать новые отношения. Но правила, которым она следовала всю жизнь, теперь ощущаются как клетка. Каждую лекцию её самообладание трещит по швам под взглядом тёмных глаз Стаса. А он не собирается отступать. Готов ждать. Готов медленно ломать все её границы и рисковать собственным будущим. Вторая часть — это история о том, как глубоко ранят настоящие чувства, как страшно отпускать контроль и как трудно признать: иногда единственный способ спасти себя — это наконец позволить себе упасть. Когда любовь оказывается сильнее страха. Когда прошлое отказывается отпускать. Когда разрыв — это только начало.

© Stranger M., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1.	5
2.	8
3.	11
4.	14
5.	18
6.	22
7.	26
Визуал Дмитрий	30
8.	32
9.	36
Визуал героини	39
10.	43
11.	46
12.	49
13.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

1.

Лера сидела в своём кабинете уже больше часа. Дверь была заперта. Свет настольной лампы падал на деревянную поверхность стола, высвечивая разбросанные конспекты, пустую чашку из-под кофе и раскрытый ежедневник, в котором она так и не сделала ни одной записи за сегодня.

Она смотрела на стену напротив — на полки с книгами по этике и философии, на дипломы в рамках, на небольшую фотографию себя на конференции два года назад. Всё это когда-то давало ей ощущение стабильности. Сегодня всё выглядело как декорации к чужой жизни.

Лера открыла папку с конспектами и попыталась сосредоточиться на подготовке к следующей паре. Слова Ницше на экране лишь вызывали досаду:

«То, что не убивает, делает нас сильнее». Она невольно усмехнулась — горько, зло.

«Если бы ты знал, Фридрих, что делает меня сильнее на самом деле...»

Каждое слово в её собственных лекциях теперь звучало как фарс.

«Моральная автономия», «категорический императив», «управление желаниями».

Она годами учила этому студентов, а сама...

Лера откинулась на спинку кресла, провела ладонью по лицу и закрыла глаза.

Перед ней снова возник Стас. Его тёмные глаза, сильные руки. Низкий голос:

«Мне нравится, когда ты зовёшь меня по имени».

Ей казалось, что воздух в кабинете хранит едва уловимый запах кожи и бензина. Но это было лишь её воображение. Эти ароматы теперь преследовали её везде. Даже там, где их быть не могло.

Она резко открыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь вернуть контроль.

Встала, подошла к окну.

За стеклом как всегда студенты шли на пары, смеялись, пили кофе. Нормальная жизнь. Предсказуемая. А она стояла здесь и чувствовала, как внутри рушится всё, что она выстраивала последние годы.

Лера вернулась к столу.

Медленно открыла ящик стола и достала телефон. Экран был пуст. Ни одного сообщения. Часть её испытала разочарование, другая — облегчение.

Она сама уже не знала, чего хочет.

В итоге она просто положила телефон экраном вниз.

«Хватит. Это не должно повториться... Я совершила ошибку и должна всё исправить».

Она взяла чистый листок бумаги и ручку. Рука дрожала, почерк вышел неровным, но она дописала до конца и поставила дату и подпись.

Это был побег. Она прекрасно понимала это.

Но ей нужно прийти в себя и восстановить душевное равновесие, которое она потеряла из-за глупого любопытства.

Остаться здесь и каждый день смотреть в его глаза с первого ряда, отвечать на провокационные вопросы и медленно сходить с ума, у неё не было сил.

Лера поднялась, одёрнула юбку и вышла из кабинета.

Она шла в ректорат, словно на эшафот. Чеканя каждый шаг, стук каблуков был оглушительным в пустоте коридора и отдавался эхом в груди.

Перед массивной дубовой дверью Лера замерла. Табличка «Ректор» блестела под холодным светом лампы дневного света. Золотые буквы на тёмном фоне выглядели строго и официально — как приговор.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах, и постучала.

— Войдите.

Лера зашла.

— Валерия Андреевна? — ректор удивлённо поднял брови, увидев её. — Что-то случилось?

Она молча протянула бумагу.

Мужчина снял очки и посмотрел на неё.

— Что это?

— Заявление на отпуск за свой счёт. На две недели.

Ректор прочитал, нахмурился.

— Отпуск посреди семестра?

— Именно так. Личные обстоятельства, — ответила она как можно ровнее.

Мужчина растерялся.

— Неожиданно. А это не может подождать?

— Нет, — перебила Лера, — это не терпит отлагательств.

Я ни разу не брала отпуск за свой счёт, да я и обычный отпуск всегда на работе, но сейчас это необходимо. Можете считать, что я ушла на больничный, если вам так будет легче.

Мужчина откинулся в кресле.

— Завтра дисциплинарная комиссия по Быстрову... — мужчина замялся, — Он сдал все задолженности досрочно. Сказал, что это по вашей просьбе.

Лера замерла. Сердце сделало резкий толчок.

Конечно, он сдал. Стас всегда выполнял то, что обещал. Всегда шёл до конца.

— Я подготовлю заключение и сброшу вам по почте, но присутствовать лично на комиссии не смогу.

Ректор долго смотрел на неё, потом тяжело вздохнул.

— Хорошо, — сдался он, — я подпишу, но хотел бы услышать настоящую причину. Может, я могу вам чем-то помочь?

Лера выдавила слабую улыбку.

— Простите, Роман Сергеевич, мне нужно идти.

Мужчина говорил что-то ещё, но она не слышала.

Лера вышла из кабинета, вызвала такси и поехала домой. В спасительную тишину своей квартиры, где никто не увидит, насколько она на самом деле разбита.

2.

Лера закрыла за собой дверь квартиры и прислонилась к ней спиной. Тишина обрушилась на неё, словно кто-то выключил все звуки вокруг.

Ни голосов, ни шагов в коридоре, ни гула университета. Только собственное прерывистое дыхание.

Она прошла в спальню, не включая свет. Сняла туфли и, не раздеваясь, упала на кровать. Пиджак мялся, юбка задралась, но ей было всё равно. Лера лежала на спине и смотрела в белый потолок, чувствуя, как внутри поднимается тяжёлая, горячая волна — смесь стыда, злости и чего-то гораздо более опасного.

Вчерашний вечер возвращался обрывками, против её воли.

Вот руки Стаса уверенно лежат на её бёдрах, прижимая к себе. Вот горячее дыхание обжигает кожу у виска. Вот она сама, дрожащими пальцами, расстёгивает пуговицы на его рубашке, забыв обо всех правилах, которые годами выстраивала. Вот его губы на её шее, ниже, ещё ниже... И её собственный стон, который она так и не смогла сдержать.

«Это была ошибка, — повторяла она про себя, как мантру. — Большая. Глупая. Непростительная ошибка».

Но тело предательски помнило совсем другое. Как сладко было хотя бы на несколько часов отпустить этот вечный контроль. Как приятно было чувствовать себя не преподавателем, не «Валерией Андреевной», а просто женщиной, привлекательной, желанной, соблазнительной.

Самое страшное — она не просто позволила. Она хотела. Хотела так сильно, что на несколько минут все её правила, вся её многолетняя дисциплина превратились в пыль. И в тот момент это казалось правильным. Почти неизбежным.

Может, она так на него реагирует потому, что давно уже ни с кем не встречалась? Должно же этому всему быть логическое объяснение?

Ей просто нужны нормальные отношения, чтобы она перестала кидаться на своих же студентов.

Ну ладно, не на всех, а лишь на одного конкретного, но сути это не меняло.

Это просто физика, реакция организма, биология и больше ничего.

Но даже произнося эти слова про себя, Лера понимала, насколько жалко они звучат. Она, человек, который всю жизнь презирал слабость и отсутствие самоконтроля, теперь искала самые примитивные оправдания своему поведению.

Как удобно свалить всё на «биологию». И как трусливо.

Она почти улыбнулась этой своей отчаянной попытке всё объяснить. Сколько лет она преподавала этику, говорила студентам о контроле над желаниями, о разуме, который должен стоять выше инстинктов.

А теперь сама лежала здесь и пыталась убедить себя, что всё дело в «биологии» и долгом воздержании.

Как будто дело было только в сексе.

Как будто она не чувствовала, как что-то внутри неё тянется к нему каждый раз, когда он рядом.

Она вдруг поняла, насколько давно не позволяла себе чувствовать. Не просто секс. А настоящее желание — жгучее, почти болезненное.

Она так старалась убедить себя, что ей это не нужно. Что достаточно одной карьеры, чтобы состояться как личность.

Годы она жила в стерильном, выверенном мире: работа, лекции, статьи, редкие встречи с «приличными» мужчинами, которые не вызывали в ней ничего, кроме вежливой скуки.

А Стас ворвался в эту жизнь, как лесной пожар. Молодой, дерзкий, упрямый. И самое страшное — он вытащил на свет из глубин её. Её настоящую. Ту, которую она прятала не только от всех, но и от себя самой.

И теперь Лера не знала как засунуть это всё обратно.

«Это пройдёт, — сказала она себе. — Всё проходит. Нужно только взять себя в руки».

Лера свернулась калачиком, обхватив колени руками. Слезы жгли глаза, но она не позволяла им пролиться. Только тяжело, неровно дышала, словно после долгого бега.

Где-то в сумке настойчиво вибрировал телефон. Лера даже не повернула головы. Она знала, кто это может быть. И именно поэтому не хотела смотреть.

Она закрыла глаза.

Через полчаса в дверь позвонили. Настойчиво. Долго. Два раза. Потом ещё раз.

Лера лежала неподвижно, затаив дыхание. Её нет дома. Ни для кого. Особенно для него. Звонок прекратился.

Прошло несколько секунд. Тишина. Потом тихие шаги в коридоре — удаляющиеся. Она выдохнула, но облегчения не почувствовала. Только ещё большую пустоту.

В тишине квартиры снова стало тяжело и душно.

Лера перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку. Впервые за очень долгое время она не стала бороться с воспоминаниями. Не стала их отгонять, стыдить себя, повторять правила и мораль.

Пусть приходят.

Пусть заполняют её всю — жаркие, неправильные, запретные.

Хотя бы на эту ночь.

Она позволила себе вспомнить, как Стас смотрел на неё. Как в его глазах не было ни капли сожаления. Только желание. И что-то гораздо более глубокое и опасное.

Лера тихо выдохнула в подушку.

Завтра она запретит себе думать и вспоминать.

А сегодня... сегодня она просто позволит себе быть слабой.

Хотя бы до утра.

3.

На следующее утро Лера не знала, чем себя занять. Она так давно не была в отпуске, что даже растерялась. Что делают обычно нормальные люди? Отдыхают, путешествуют, ездят в гости. Ей не хотелось.

Сначала она пыталась затеять уборку, но приступ чистоплотности резко пропал, сменившись апатией. Какая разница? Если к ней всё равно никто не ходит. Только сантехник, и тот, кого она решила не называть по имени даже в мыслях.

Она стояла посреди комнаты с тряпкой в руке и вдруг поняла, насколько абсурдно всё это выглядит. Для кого это всё? Квартира и так была идеально чистой и такой же стерильной, как её жизнь.

Ни пылинки, ни лишней вещи, ни следа чьего-то присутствия. Даже фотографий на стенах почти не было — только пара дипломов и одна её собственная фотография с конференции.

Она пыталась готовить, но привычные брокколи и спаржа сегодня казались безвкусными.

Лера отодвинула тарелку, даже не притронувшись к еде. Запах варёных овощей, который раньше казался ей чистым и правильным, теперь вызывал лишь тошноту.

Всё казалось пресным. Жизнь казалась пресной.

Она стояла у плиты, глядя в пустую сковороду, и вдруг поймала себя на мысли, что хочется чего-то совсем другого. Чего-то жирного, острого, вредного или хотя бы при-торно-сладкого десерта. Чтоб уровень глюкозы в крови зашкалил.

Но в холодильнике, как назло, царил всё тот же стерильный порядок: контейнеры с нарезанными овощами, йогурт без сахара, миндальное молоко.

Лера захлопнула дверцу холодильника с громким стуком и прислонилась к нему лбом. Холод металла немного отрезвил.

— Что со мной происходит? — спросила она себя вслух.

Голос в пустой кухне прозвучал странно.

Раньше ей хватало этой тишины и порядка. Она сама его выстраивала годами: чёткий график, полезное питание, минимум эмоций, максимум контроля. А теперь этот контроль трещал по швам. И виноват в этом был именно он.

Лера вернулась в кровать и сделала то, чего не делала уже лет сто. Включила какой-то сопливый сериал про любовь. Но чужие чувства и эмоции на экране жутко бесили. Она выключила фильм и включила ужасы.

Она полдня безразлично смотрела на то, как в панике бегают по экрану герои, цепляясь всеми силами за жизнь и за друг друга.

Вот он, социум, во всей своей красе. Народ всё время приучают к мысли, что в одиночку не выжить.

Ирония ситуации доходила до абсурда: она, преподаватель этики, сидела и смотрела, как люди убивают друг друга из страха остаться в одиночестве.

А сама боялась совсем другого — что если она позволит себе почувствовать, то уже никогда не сможет вернуться в свою безопасную, правильную жизнь.

Киношная кровь и крики начали раздражать. Лера выключила телевизор. Если она не найдёт себе нормальное занятие, то попросту сойдёт с ума.

Она включила колонку, может, музыка поможет ей отвлечь хоть немного.

Но современные композиции были начисто лишены какого-то смысла и логики, только бессмысленный набор слов и «бам бам бам», которое действовало на нервы.

Лера выключила Алису, легла на кровать и закрыла глаза.

Делать ничего не хотелось, тем более что она запретила себе даже думать о работе. Отдых значит отдых. Жалко, что он приключился в «солнечном» ноябре.

Может, почитать книги? Она обвела взглядом свои полки. Там стояли только издания, необходимые для работы. По этике и философии.

Как же она отстала от жизни за эти два года. Потому что понятия не имела, что сейчас находится на волне популярности. Какие книги? Фильмы? Песни?

Когда она в последний раз просто смотрела телевизор, читала, выбиралась куда-то? Она не помнила. Всё вытеснила работа.

Она вздохнула и села на кровати, обхватив колени руками. В комнате было тихо, слишком тихо. Даже холодильник, казалось, работал приглушённо, словно боялся нарушить её хрупкое равновесие.

Телефон продолжал вибрировать.

Звонила Маша, звонил Быстров много раз. Писал сообщения. Лера их даже не открывала.

В тишине квартиры звук вибрирующего телефона звучал почти обвиняюще.

Она отключила телефон и бросила его в тумбочку.

У неё всего две недели вдали от университета, от него, от своих слабостей. Две недели, чтобы прийти в себя.

Две недели, чтобы забыть его.

В голове против воли всплыло лицо Стаса — его насмешливый прищур и эта чёртова самоуверенная улыбка. Лера резко тряхнула головой, прогоняя образ.

«Нет. Только не сегодня, — мысленно отрезала она, — время для слабости закончилось».

Она встала, подошла к окну и отодвинула плотную штору. За стеклом висела серо-белая ноябрьская хмарь — мокрый снег с дождём, голые деревья и пустой двор. Ничего, что могло бы зацепить или вдохновить.

Мокрые ветки качались на ветру. Она обняла себя руками, словно пытаясь удержать внутри разрастающуюся пустоту.

Может, просто выпить вина? У неё где-то стояла бутылка хорошего красного — подарок от коллег на прошлый Новый год. Она даже не открывала её тогда.

Лера нашла бутылку в самом дальнем углу шкафа, смахнула пыль и задумчиво посмотрела на этикетку. Потом решительно открыла. Налила себе полный бокал и сделала большой глоток. Вино оказалось терпким, чуть вяжущим, но приятным.

Она села на подоконник, подтянув колени к груди, и сделала ещё глоток. Тепло медленно разливалось по телу, а в голове слегка зашумело.

«Вот так, значит, — подумала она с горькой усмешкой. — Преподаватель этики пьёт в одиночестве в середине дня и думает о мужчине, которого обещала себе забыть».

Но даже это самобичевание уже не работало так сильно, как раньше.

— Всё проходит, и это пройдёт, — повторила она себе вслух, — время всё лечит, всё расставляет по местам.

Всё, что у неё сейчас было, — это время.

Но где-то глубоко внутри, под слоем привычной дисциплины и страха, что-то дрогнуло.

Опасное желание не просто существовать, а жить. Чувствовать. Даже если потом будет больно.

4.

Она почти не выходила из дома, даже за хлебом, спрятавшись в квартире от всего мира.

Еда заканчивалась, но Лера заказывала доставку и просила оставлять пакеты за дверью, словно боялась, что если выйдет на улицу, то обязательно столкнётся с ним.

Стас приезжал почти каждый день, но она не открывала.

Лера узнавала характерный звук его мотоцикла даже сквозь закрытые окна.

Он звонил в дверь, стоял несколько минут, потом тихо уходил. Лера каждый раз сидела на кровати, обхватив колени руками, и ждала, когда звук мотора наконец стихнет вдалеке.

А дальше наступила тишина.

Он больше не делал попыток связаться с ней, а Лера всеми силами старалась убедить себя, что так будет лучше.

На десятый день она поняла, что это безмолвие начало пожирать её. Лера сидела на кухне с чашкой остывшего кофе и смотрела в окно.

За стеклом падал мелкий, противный дождь. Ноябрьский город казался серым и безликим, как её настроение.

На столе лежал телефон — чёрный, молчаливый. Она включила его только вчера вечером, после того как девять дней держала выключенным.

Ни одного нового сообщения от Стаса.

Последнее он написал на седьмой день:

«Просто дай знать, если тебе что-то понадобится или если всё-таки наберёшься смелости поговорить».

И всё. Больше ничего. Ни звонков, ни попыток увидеть её. Он действительно отступил.

Лера должна была почувствовать облегчение. Вместо этого внутри образовалась странная, ноющая пустота. Как будто она ждала, что он будет бороться сильнее.

Что будет ломиться в дверь, писать каждый день, доказывать, что не сдаётся. А он вдруг взял и исчез. Тихо. По-мужски. Как она и просила.

Она твердила себе, что рада. Что именно этого и добивалась. Но с каждым днём эта радость становилась всё более фальшивой.

На десятый день, когда звук мотора так и не появился, Лера поймала себя на том, что смотрит в окно дольше обычного. Ждёт. И от этого понимания ей стало по-настоящему страшно.

Она подошла к зеркалу в коридоре. На неё смотрела бледная женщина с тёмными кругами под глазами и растрёпанными волосами. Лера провела пальцами по щеке, будто проверяя, что это всё ещё она.

— Ты сама этого хотела, — тихо сказала она своему отражению. — Наслаждайся.

Но удовлетворения не было. Была только тяжёлая, липкая тоска.

Вечером она впервые за все эти дни решилась выйти из дома. Надела джинсы, свитер, длинное пальто и вышла в дождь без зонта.

Просто шла по мокрым улицам, не разбирая дороги, ноги сами несли её знакомым маршрутом.

Мимо витрин, вдоль которых они когда-то проезжали со Стасом, мимо набережной, где пили кофе.

Каждый шаг оживлял в памяти то, что она так старалась забыть.

На мосту она остановилась, облокотившись на холодные перила. Внизу чёрная вода реки медленно несла отражения фонарей.

Лера достала телефон и открыла чат со Стасом. Пальцы замерли над клавиатурой.

Она хотела написать. Хоть что-нибудь. «Как ты?» или «Зачем ты приходишь каждый день?» или даже просто «Почему перестал?»

Но вместо этого она просто смотрела на последнее его сообщение и чувствовала, как в горле встаёт ком.

— Трус, — прошептала она себе под нос. Не понимая, к кому из них это относится — к нему или к ней.

Когда Лера вернулась домой, было уже темно.

Она сбросила с себя мокрую одежду и долго стояла под горячим душем, пытаясь согреться.

Потом вышла, обмотавшись полотенцем, включила только одну лампу в гостиной и села на диван, поджав ноги. Тишина снова навалилась, тяжким грузом на плечи, словно стремясь её раздавить.

Она боялась признаться даже себе, что хочет, чтобы он позвонил, по телефону или в дверь... неважно...

Лишь бы нарушил это молчание.

Лера встала, подошла к окну и долго смотрела на пустую улицу. Мотоцикла не было. Только дождь и жёлтый свет фонарей.

— Ну и хорошо, — сказала она вслух, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Значит, так и надо.

Но слова прозвучали фальшиво даже для неё самой.

Лера закрыла глаза и впервые за эти дни позволила себе представить, что было бы, если бы она открыла дверь тогда, когда он стоял за ней. Если бы впустила его. Если бы не притворялась, что ей всё равно.

Сердце стиснуло железной хваткой, словно кто-то медленно сжимал его в тиски.

Она обхватила себя руками, словно пыталась удержать внутри то, что медленно разваливалось на части.

Лера побрела в спальню, легла прямо поверх одеяла.

Она лежала в полутёмной квартире, смотрела в потолок и понимала, что одержала победу в своей маленькой войне.

Он отступил. Перестал давить. Дал ей ту самую свободу, о которой она просила.

Только почему у неё ощущение, что свобода, которую она так отчаянно хотела, сжимала её горло удавкой.

Она осталась одна. Совершенно одна.

Так почему это не приносило облегчения?

«Ну и что теперь? — подумала она с лёгкой злостью на саму себя. — Ты же всегда гордилась своей самодостаточностью. А теперь лежишь, как рыба, выброшенная на берег, и не знаешь, как дышать».

Раньше её дни были заполнены лекциями, статьями, конспектами. Теперь осталось только время — голое, пустое, безжалостное. И в этой тишине особенно громко звучал один вопрос, который она боялась себе задавать: что она будет делать, когда отведенные ей две недели истекут?

Ответа не было. Была только пустота и тяжёлое, давящее осознание: две недели одиночества не лечат. Они только обнажают то, что она так старательно прятала.

До конца отпуска оставалось ещё четыре дня.

Четыре дня до того, как она снова увидит его на лекции. Если он вообще придёт.

А вдруг он действительно сдался, поверил в её «это была ошибка» и теперь просто живет дальше.

Вдруг она больше никогда его не увидит?

Эта мысль была невыносимой и отзывалась острой болью, где-то в груди.

5.

Стас сидел под навесом на противоположной стороне улицы.

Дождь тихо стучал по козырьку. Капли стекали по его кожаной куртке, но он даже не замечал, сидел неподвижно, как хищник, который выслеживает жертву.

На улице было прохладно, но Стас не чувствовал холода. Только жар внутри — тяжёлый, пульсирующий, как перед стартом на трассе.

Двигатель был выключен уже больше часа, фары потушены. Он не приближался к её дому уже который день, только наблюдал со стороны.

Он мог бы сидеть так ещё час, два, даже всю ночь. Главное — не спугнуть.

Глаза не отрывались от её окна, из которого пробивался слабый, тёплый свет. Иногда он видел её силуэт — она подходила к окну, прижималась лбом к холодному стеклу и просто стояла так минуту-две, глядя в темноту, и уходила обратно.

В такие моменты Стас невольно задерживал дыхание. Ему казалось, что если он шевельнётся, она почувствует его взгляд даже через расстояние.

Каждый раз его пальцы сильнее сжимали руль, а в груди разливалась тяжёлая, ноющая смесь злости и нежности.

Он знал каждый её жест. Знал, как она проводит рукой по волосам, когда нервничает. Как стоит, обхватив себя за плечи, будто пытается удержать внутри то, что рвётся наружу.

За эти дни он выучил её расписание лучше, чем своё. Он не шпионил — он изучал. Как изучают слабые места противника перед решающей схваткой.

Сначала он хотел продолжать в том же духе: приезжать каждый день, звонить, писать, напоминать о себе. Думал, что если будет настойчивее, она быстрее уступит. Но потом он заметил, как она замирает за дверью, стоит ему только подняться на лестницу.

Как её шаги становятся осторожными и почти беззвучными. И тогда до него дошло. Она пряталась от него, словно испуганный зверёк.

Чем сильнее он напирал, тем глубже она закапывалась в свою нору.

И когда он это понял, то решил сменить тактику.

Это было против его натуры. Стас всегда брал то, что хотел — жёстко, быстро, напрямую. Именно так он когда-то вырвался из нищеты, именно так выиграл первые гонки.

Но с Лерой всё было иначе. Она не была очередной девушкой на одну ночь. Она была той, от кого у него впервые в жизни снесло крышу.

От бешеного, почти болезненного желания обладать ею целиком.

Не просто тело. Он хотел её всю, со всеми страхами, сомнениями и попытками казаться сильнее, чем она есть на самом деле.

Раньше он презирал мужчин, которые бегают за женщиной. Считал это слабостью. А теперь сам превратился в тень под её окнами. И самое страшное — ему это даже нравилось.

Нравилось чувствовать, как она медленно ломается. Нравилось знать, что он единственный, кто видел её настоящую.

Он не мог забыть тот поцелуй... Её дрожащие пальцы на его шее, её тихий стон, когда он прикусил ей губу.

Её тело отвечало ему так искренне, так жадно, будто все эти годы она ждала именно его.

Тогда он не думал. Просто сделал шаг — и пересёк границу.

Но он поспешил, и она испугалась... Дала заднюю. Всё рухнуло.

Сейчас он не мог себе этого позволить.

Стас понимал: если он сейчас ошибётся — потеряет её навсегда. Поэтому он сидел здесь мокрый в темноте и заставлял себя ждать.

Давал ей то пространство, которого она так отчаянно просила.

И с каждым днём видел, как это пространство начинает её душить. Тишина, которую она сама себе устроила, оказалась для неё гораздо страшнее, чем риск потерять контроль снова.

И пока Лера медленно задыхалась в своей скорлупе, Стас упрямо двигался к своей цели.

Так же как сегодня вечером, когда снова выиграл гонку.

Трасса за городом, старые заброшенные склады, мокрый асфальт после дождя. Опасно, скользко, но именно такие условия он любил больше всего. Пришёл первым с преимуществом почти в восемь секунд. Приз — двести семьдесят тысяч.

Он, как всегда, перевёл всё до последней копейки матери, написав короткое сообщение: «Деньги на карте. Как здоровье? Если ещё что-то нужно — сообщи».

Двести семьдесят тысяч. Для неё — спасение. Для него — просто цифры. Деньги давно перестали приносить кайф.

Чем больше он зарабатывал, тем острее чувствовал пустоту.

Мать ответила почти сразу:

«Спасибо, сынок. Всё нормально. Как ты там? Я очень волнуюсь».

Дождь продолжал тихо стучать по козырьку.
Он долго смотрел на экран, потом убрал телефон.

Стас не знал, что ей ответить, потому что сам не мог понять, как он.

Впервые в жизни он почувствовал, что где-то за этими стенами, за её страхом и молчанием — есть что-то настоящее.

Не просто страсть, не просто плоть, а связь, которую нельзя купить, выиграть или украсть.

Её нужно заслужить. Даже если для этого придётся сидеть под дождём, как последний идиот, и бояться шелохнуться.

Стас глубоко вдохнул, выдохнул, посмотрев на её окно. Свет был ещё включён.

«Если бы ты знала, мама, из-за кого я на самом деле рискую...» — подумал он с горькой усмешкой.

Гонки, скорость, адреналин — всё это когда-то было для него главным. Теперь же стало просто способом отвлечься.

Теперь он гнал не за призовые и не за адреналин. Он гонял, чтобы забыться.

Потому что каждый раз, когда он выжимал газ до упора, в голове всё равно оставалась только она. Лера. Валерия Андреевна.

Женщина, которая стала его новой целью и одержимостью. Женщина, которая пыталась сейчас сбежать от него.

Женщина, которая теперь стала для него финишной прямой.

Стас закрыл глаза.

— Чёрт бы тебя побрал, Валерия Андреевна... — прошептал он в темноту.

Он ненавидел броню, в которую она сама себя заковала. И одновременно хотел её пробить.

Это чувство его пугало. Больше, чем нищета. Больше, чем тюрьма, в которую чуть не загремел в восемнадцать. Больше, чем собственный отец, который однажды чуть не сломал ему палец за то, что он спёр его сигареты.

Пугало то, что рядом с ней он хотел быть лучше. Не казаться, не притворяться — а именно быть.

Он провёл рукой по лицу. Устал. Не от гонок. От этого бесконечного ожидания.

«Я мог бы сейчас подняться к ней. Постучать. Сказать, что больше не могу. Что схожу с ума без неё. Но тогда она сильнее закроется. Она же такая — чем больше на неё давить, тем упрямее становится».

Стас усмехнулся, глядя как погас свет.

Он представил, как она лежит сейчас в темноте, обхватив себя руками, и пытается убедить себя, что всё делает правильно. Что тишина — это то, что ей нужно. Что без него ей будет проще. Что она сильная и справится.

— Скоро увидимся... — тихо произнёс он.

Стас чувствовал, как внутри медленно закипает сладкое предвкушение. Он знал, что будет дальше. Она выдержит ещё несколько дней, максимум неделю.

А потом начнёт искать его взглядом на лекциях. Сначала случайно. Потом — специально.

Будет сопротивляться этой тяге, но в итоге всё равно сдастся.

«Ты думаешь, что если спрячешься, то я исчезну? — мысленно продолжил он. — Ты ошибаешься. Я не отступлюсь».

Стас завёл мотор, но фары включать не стал. Ещё пару минут посидел, глядя на её тёмное окно. Потом медленно выехал со двора.

Пусть она почувствует настоящую пустоту. Пусть привыкнет к ней. А когда поверит, что он сдался и больше не появится — вот тогда он вернётся. И возьмёт своё.

Как на трассе.

Быстро. Неизбежно. Неотвратно.

Потому что он уже понял одну важную вещь: Лера не боится его. Она боится себя рядом с ним.

И именно это он и собирался использовать.

6.

Когда пришла пора возвращаться на работу, Лера была даже рада. Она не понимала, что хорошего люди находят в отпусках. Две недели в четырёх стенах превратились для неё в медленную пытку.

Мысли упорно возвращались к одному и тому же. К нему. Каждый раз, когда она ловила себя на этом, Лера злилась и заставляла себя переключаться.

Но тишина, которая сначала казалась спасением, в итоге едва не свела её с ума. Поэтому она чуть ли не с радостью натягивала на себя привычную чёрную юбку-карандаш и белую блузку, собирала волосы в строгий пучок и поправляла очки.

В университет она практически бежала.

Холодный ноябрьский воздух обжигал щёки, но Лера шла быстро. Мелкая морось оседала на ресницах и стеклах очков.

Студенты вокруг шли, втянув головы в плечи, смеялись, обсуждали что-то своё. А она чувствовала странную, почти болезненную отстранённость.

Будто две недели отпуска сделали её чужой в этом привычном мире. Она ускорила шаг, словно хотела поскорее раствориться в привычной роли: лекции, студенты, конспекты, чёткий распорядок дня.

Там она хотя бы знала, кто она такая. Валерия Андреевна. Преподаватель этики. Человек, который держит всё под контролем.

Но когда она свернула к главному входу университета, сердце пропустило удар.

Время будто споткнулось. На секунду весь шум университета — голоса студентов, хлопанье дверей, шорох дождя — ушёл на второй план. Остался только он.

Стас стоял у колонны, чуть в стороне от основного потока студентов. В чёрной куртке, с мокрыми от дождя волосами, руки в карманах. Он не искал её взглядом. Просто стоял и ждал, будто знал, что она появится именно в этот момент.

Их глаза встретились.

На секунду Лера замерла посреди тротуара. Ноги стали ватными. Всё то хрупкое равновесие, которое она с таким трудом выстроила за эти две недели, начало трещать по швам от одного его взгляда.

Стас не улыбнулся. Не сделал шага навстречу. Просто смотрел — спокойно, глубоко, с той самой тихой уверенностью, от которой у неё всегда перехватывало дыхание.

Лера почувствовала, как внутри всё сжалось. Две недели она убеждала себя, что сможет держать дистанцию. Что сможет забыть. А теперь одно его присутствие разрушало эту хрупкую конструкцию, словно карточный домик.

Она сглотнула и заставила себя продолжить идти. Каблуки стучали по мокрой плитке слишком громко. Она хотела пройти мимо, сделать вид, что не заметила его, но тело предательски замедлилось.

Когда она поравнялась с ним, Стас тихо произнёс, не повышая голоса:
— Доброе утро, Валерия Андреевна.

Голос был низким, чуть хрипловатым. От него по спине пробежала знакомая дрожь.

Лера остановилась. Не хотела, но остановилась. Подняла на него глаза — и сразу пожалела. Потому что в его взгляде не было ни злости, ни упрёка. Только тёплое, тяжёлое понимание.

— Доброе, — ответила она сухо, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Стас чуть наклонил голову, разглядывая её так, будто видел насквозь.

— Неважно выглядишь, — сказал он прямо, без улыбки. — Похудела. Глаза усталые. Две недели «отдыха» явно не пошли тебе на пользу.

Лера почувствовала, как щёки вспыхнули.
— Это не ваше дело, Быстров.

— Не моё? — он слегка приподнял бровь. — После того, как ты две недели пряталась от меня, как от чумы?

— Я не пряталась. Я отдыхала.

— Отдыхала, — повторил он с лёгкой, горькой усмешкой. — И как? Помогло?

Лера сжала ремешок сумки сильнее.
— Я не собираюсь обсуждать это с тобой, Быстров.

— Я знаю, что ты всё это время думала обо мне. Как и я о тебе.

Лера вздернула подбородок.
— Ты слишком много на себя берёшь.

— А ты слишком мало себе позволяешь, — парировал он. — Столько дней не виделись. И что? Стало легче?

Лера резко вскинула голову.
— Не смей.

— Что не сметь? Говорить правду? — он смотрел ей прямо в глаза. — Ты сбежала. Закрылась в своей квартире. Спрятала голову в песок, сделав вид, что ничего не было.

— Я не обязана перед тобой отчитываться.

— Не обязана, — согласился он, — но я скучал по тебе.

Лера вздрогнула.

Она хотела ответить что-то колкое, холодное, отстранённое. Но вместо этого только молча смотрела на него. На капли дождя в его волосах. На то, как он стоит — расслабленно, но при этом весь словно натянутая струна.

— Стас... не надо...

Он сделал полшага ближе.

— Что не надо, Лер? Говорить тебе о своих чувствах? О том, как мне тебя не хватало? Я не привык говорить о таком. Не знал, что это так трудно, признаваться в своей уязвимости перед кем-то. Поэтому я не собираюсь давить, — продолжил он всё так же спокойно. — Но не делай вид, что ничего не испытываешь ко мне.

Лера почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Ты слишком самоуверен.

— А ты слишком испугалась того, что почувствовала, и решила спрятаться. Классика.

Лера вскинула подбородок.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Знаю достаточно, — ответил Стас спокойно. — Знаю, что ты до сих пор думаешь обо мне. И знаю, что это тебя пугает больше всего. Но ничего. Я подожду. Рано или поздно ты устанешь врать себе.

Лера почувствовала, как горло сжимается. Она резко отвела взгляд.

— Мне пора на пару.

— Знаю, — кивнул Стас. — Я тоже иду. Но ты же понимаешь, что рано или поздно нам придётся поговорить.

— Нам не о чем разговаривать, — отчеканила она.

Стас тихо хмыкнул — не насмешливо, а скорее устало.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь признавать очевидное.

Лера отвела взгляд на мокрые ступени крыльца. Сердце колотилось так, что, казалось, он тоже это слышит. Она ненавидела, когда он видел её насквозь.

Особенно сейчас, когда она и сама себе казалась разбитой. Сон почти не шёл последние дни. А когда шёл — ей снился он.

Стас был прав.

Как бы не старалась она не могла забыть тот вечер перед отпуском — его руки на своих бедрах, его дыхание у виска, и его губы на её губах. Она действительно пыталась сбежать от всего этого.

— Ты не понимаешь... — начала она почти шёпотом.

— Что именно? — мягко спросил он. — Что тебе страшно? Что ты старше? Что я твой студент? Я всё понимаю и прекрасно отдаю себе отчёт в своих действиях. Просто для меня риск — привычное дело.

Стас сделал шаг в сторону, пропуская её вперёд. Но когда она проходила мимо, тихо добавил так, чтобы услышала только она:

— Ты можешь сколько угодно убеждать себя, что всё закончилось. Но мы оба знаем, что это неправда.

Лера не ответила. Просто ускорила шаг и вошла в здание, чувствуя, как его взгляд жжёт ей спину.

Она поднималась по лестнице, чувствуя, как дрожат колени. Студенты здоровались с ней, кто-то задавал вопросы — она отвечала автоматически, почти не слыша собственного голоса.

А внутри уже начинало дрожать всё то, что она так старательно пыталась похоронить за эти две недели.

7.

Лера стояла у окна своего кабинета и разбирала стопку методичек.

Пальцы механически перебирали листы, но мыслями она была далеко. Она думала о Стасе.

Сегодня он был на удивление тихим, даже на лекции не задавал вопросов, просто смотрел на неё, явно думая о чём-то своём. Это было совсем на него непохоже, и Лера теперь гадала, что он задумал.

Это молчание пугало её гораздо сильнее, чем его прежняя настойчивость. Будто он что-то решил. Будто начал новую игру, в которой она пока не понимала правил.

Он даже после пары не подошёл к ней. Хотя она страшилась и ждала этого одновременно. Но он лишь бросил на неё странный взгляд и вышел со всеми.

Сердце предательски сжалось. Она злилась на себя за это чувство — смесь облегчения и непонятной тоски. Как будто он забрал с собой часть воздуха, когда покинул аудиторию.

Лера хотела окликнуть его, узнать, как прошло заседание дисциплинарной комиссии. Но не рискнула.

Внутри всё сжималось от странной, противной пустоты. Она должна была радоваться, что он оставил её в покое.

Но почему тогда ей так не по себе?

Дверь открылась без стука. Лера вздрогнула и резко обернулась, на долю секунды в груди вспыхнула глупая, предательская надежда. Но вместо знакомой высокой фигуры в кожаной куртке в кабинет вошёл совершенно другой мужчина.

Увидев его, Лера застыла, не веря своим глазам.
— Дима? Это ты?

Дмитрий улыбнулся той самой уверенной, чуть ленивой улыбкой, которую она помнила ещё со школы, и развёл руками:
— Как видишь. Привет, Лер.

Он прислонился плечом к дверному косяку, будто этот кабинет принадлежал ему. Высокий, подтянутый, в дорогом тёмно-синем костюме, который сидел идеально. Время явно пошло ему на пользу.

Лера почувствовала, как ноги мгновенно стали ватными. Она тяжело опустилась на стул, пальцы судорожно вцепились в край стола.

— Какими судьбами? — голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Дмитрий отлепился от косяка и неторопливо подошёл к столу. Опустился на стул напротив и оглядел её с нескрываемым любопытством.

— Угостишь кофе для начала? Сколько лет мы с тобой не виделись?

Лера сглотнула, пытаясь собраться. Руки слегка дрожали, когда она встала, чтобы налить кипяток в две чашки.

— Много... — тихо ответила она. — Кажется, целую вечность. Ты сильно изменился. Возмужал. Стал... другим.

Она подняла взгляд и невольно окинула его фигуру. Дорогие часы, идеальная стрижка, уверенная осанка.

Перед ней сидел успешный, состоявшийся мужчина. А не тот парень Дима, в которого она была влюблена в старших классах.

— А ты совсем не изменилась, — мягко произнёс он, принимая чашку. — Правда, я помню тебя другой. Мягче. Жизнерадостнее. От кого прячешься за этими очками и строгой причёской?

Лера невольно коснулась оправы очков, чувствуя, как щёки предательски вспыхнули.

— Пытаюсь соответствовать статусу, — сухо ответила она. — А ты... как оказался в наших краях?

Дмитрий пожал плечами, делая глоток кофе.

— Предложили место — я согласился.

Лера хмыкнула, обхватив свою чашку двумя руками, словно пытаясь согреться.

— Из столицы — и вдруг сюда? В нашу глушь? Специалист твоего уровня?

— Почему нет? Видимо, время берёт своё. С возрастом всё сильнее тянет обратно к корням.

— И где же предложили тебе такое место, что ты бросил всё и примчался? — хмыкнула она.

Он усмехнулся, глядя прямо ей в глаза.

— Так здесь, Лер.

Лера замерла. Чашка едва не выскользнула из пальцев.

— Где «здесь»?

Дмитрий закинул ногу на ногу и спокойно ответил:

— В вашем университете. Я — временно исполняющий обязанности ректора.

— А Роман Сергеевич? — выдохнула она.

— Пошёл на повышение. Теперь я вместо него. По крайней мере, на ближайшие полгода. А там как пойдёт.

Лера смотрела на бывшего одноклассника и не могла поверить. Человек из её прошлого внезапно стал её прямым начальником.

Мир, который и так последние недели трещал по швам из-за Стаса, теперь окончательно перевернулся.

— В голове не укладывается... — пробормотала она. — После стольких лет... Ты здесь.

— Странно, да? — Дмитрий мягко улыбнулся. — Представь, как я удивился, когда увидел тебя сегодня в коридоре. Мир тесен.

— Очень тесен... — тихо согласилась она.

Его взгляд задержался на ней чуть дольше, чем следовало. В нём читалось что-то большее, чем простая вежливость старого знакомого.

— Я сразу решил зайти. Так сказать поздороваться. Знаешь, я часто вспоминал тебя, — сказал он уже серьёзнее. — Думал, как ты там, чем живёшь. А ты, оказывается, здесь — строишь карьеру, воспитываешь студентов, стала строгой Валерией Андреевной...

Лера опустила взгляд в чашку, чувствуя странную смесь неловкости и лёгкой паники. Ещё пару часов назад она думала только о Стасе.

А теперь перед ней сидел человек, который когда-то знал её совсем другой — юной, наивной, открытой.

Дмитрий поставил чашку на стол и чуть наклонился вперёд, сокращая расстояние между ними.

— Лер, ты стала какой-то... слишком серьёзной. Где та девчонка, которая могла смеяться до слёз над глупыми шутками? — Его голос стал ниже, теплее.

— Знаешь, когда я увидел тебя сегодня в коридоре, внутри что-то щёлкнуло. Будто время вернулось назад.

Лера подняла на него глаза и тут же пожалела об этом. В его взгляде было слишком много искреннего интереса.

Не как к другу, не как к коллеге. А интерес мужчины к понравившейся женщине. Это одновременно льстило и пугало.

— Я так рад тебя снова видеть, Лер.

Он поднялся, обошёл стол и, неожиданно, обнял её. Крепко. По-мужски. Его ладонь легла ей на спину чуть ниже, чем следовало.

Лера застыла в его объятиях.

От него приятно пахло дорогим парфюмом, но она почему-то почувствовала лишь глухой укол вины. И сделала попытку отстраниться.

— Дима, я...

— Давай без «Дима, я», — мягко перебил он с улыбкой. — Просто поужинай со мной сегодня. По-человечески. Без статусов и предрассудков. Расскажешь, как у вас тут всё устроено и как ты на самом деле живёшь.

Лера уже открыла рот, чтобы отказать, но в этот момент дверь снова открылась.

Визуал Дмитрий

8.

На пороге стоял Стас. В руке — шлем, куртка расстёгнута. Взгляд сразу упал на Дмитрия, на его руки, которыми он её обнимал, потом на Леру. Его челюсть слегка напряглась, на скулах заходили желваки.

В кабинете сразу стало тесно.

Лера отстранилась и отошла от мужчины на пару шагов, от греха подальше, пока Стас не наделал глупостей.

Она видела, как он смотрит на Дмитрия, будто прикидывал, сколько времени ему понадобится, чтобы вышвырнуть его в коридор.

— Валерия Андреевна, — сказал он ровным голосом. — Можно вас на пару слов по поводу задолженности?

Дмитрий повернулся к нему, оценивающе оглядел кожанку, шлем в руках и уже почти зажившие ссадины на лице.

— Студент, да? — спросил он с лёгкой усмешкой. — Подожди за дверью, парень. Мы разговариваем.

Стас не двинулся. Он смотрел только на неё.

— Это срочно.

Лера почувствовала, как воздух в кабинете стал плотным.

Она перевела взгляд на бывшего одноклассника и поняла, что вот оно, решение всех её проблем. Именно то, что ей сейчас нужно. Ужин с кем-то её возраста. С кем-то, кто ей подходит. К тому же она уже сто лет никуда не выбиралась.

— Дмитрий, извини, — сказала она спокойно. — У меня сейчас консультация. Давай поговорим за ужином.

Воронин протянул ей свою визитку.

— Конечно. В шесть заеду за тобой. Удобно?

Лере не было удобно, но она кивнула:

— Хорошо. Адрес пришлю в сообщении.

Дмитрий кивнул Стасу, как будто тот был мебелью, и вышел. Дверь закрылась.

Стас остался стоять на месте. Он не подошёл ближе. Просто смотрел на неё.

— Кто этот хлыщ? — спросил он тихо.

— Дмитрий Александрович Воронин. Новый ректор и по совместительству мой бывший одноклассник. Мы встречались в школе.

— Почему расстались?

Лера пожала плечами.

— Я уехала учиться и на третьем курсе вышла замуж. Конец истории.

— То есть этот придурок ещё и твоя первая любовь? А теперь он позвал тебя на ужин?

Лера почувствовала, как внутри поднимается раздражение — горячее, внезапное.

— Это не твоё дело.

— Не моё? — Стас говорил всё так же тихо, но в голосе уже появился металл. — Ты уверена?

Лера сжала методички в руках так, что бумага слегка помялась.

— Прекрати, — выдохнула она. — Ты не имеешь права так со мной разговаривать. Думаешь, после одного поцелуя я обязана отчитываться перед тобой?

— Не обязана.

Они стояли и смотрели друг на друга. Напряжение между ними было уже не просто притяжением — оно было тяжёлым, почти болезненным.

Стас сделал шаг вперёд.

Лера невольно отступила, пока не упёрлась спиной в край стола.

— Не подходи, — предупредила она тихо, но в голосе слышалась дрожь.

Он остановился так близко, что она чувствовала запах его кожи, дождя и бензина. Его взгляд медленно скользнул по её лицу, по губам, по шее, будто он мысленно снимал с неё всю эту строгую броню, слой за слоем.

— Ты серьёзно? — спросил он шёпотом. — Решила заменить меня на этого... На того, кто смотрит на тебя так, будто ты — удобное дополнение к его планам на вечер?

Лера сжала край стола позади себя.

— Это не замена, Стас. Это нормальная жизнь. Взрослая.

— Нормальная? Теперь это так называется? — он усмехнулся.

Лера вспыхнула и резко выпрямилась, хотя расстояние между ними было минимальным.

— Да. Именно так. Мне нужно... — она запнулась, — мне нужно вернуть контроль над своей жизнью.

Стас наклонился ближе. Его дыхание коснулось её губ.

— Контроль, — повторил он с горькой насмешкой. — Ты постоянно повторяешь это слово, а сама дрожишь, когда я рядом. Скажи мне честно, Лера. Когда он будет сидеть напротив тебя за ужином и улыбаться своей идеальной улыбкой, ты будешь думать о нём? Или вспоминать обо мне?

Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах не было привычной дерзости — только тёмная, тяжёлая ревность, которую он даже не пытался скрыть.

Лера отвернулась и положила методички на стол. Руки слегка дрожали.
— Уходи! Немедленно!

Но он мягко, но настойчиво взял её за подбородок и повернул к себе.
— Посмотри на меня, — почти приказал он. — И скажи это, глядя мне в лицо.

Лера молчала. Она видела, как в его глазах кипит смесь злости, боли и желания. Видела, как он сдерживается, чтобы не прижать её к столу прямо сейчас.

И она этого хотела. Боже, как же сильно она этого хотела. Снова ощутить его губы на своих губах, оказаться в его объятиях, почувствовать, как он прижимает её к себе так, будто она единственное, что имеет значение...

Лера тряхнула головой и сжала руки в кулаки так, что ногти впились в ладони, отрезвляя.
— Стас... — прошептала она наконец. — Уходи, пожалуйста.

Он не отступил. Только провёл большим пальцем по её нижней губе — медленно, мучительно медленно.

Стас заметил, как её зрачки расширились, дыхание стало чаще.
— Мы оба знаем, что этот ужин — это не про «нормальную жизнь». Это про то, как ты пытаешься убежать. От меня. От себя.

Он сделал последний шаг. Теперь они почти касались друг друга. Лера чувствовала тепло его тела даже сквозь ткань.

— Он просто... нормальный взрослый мужчина. Без всех этих твоих гонок, без риска, без постоянного ощущения, что всё может рухнуть в любой момент.

Стас усмехнулся — коротко, жёстко, почти болезненно.
— Нормальный. Взрослый. Безопасный. — Он произнёс эти слова так, будто они были ругательствами. — Значит, вот что тебе нужно? Чтобы было безопасно? Чтобы никто не нарушал твои правила и твою идеальную скучную жизнь?

Лера почувствовала, как кровь прилила к лицу.
— Замолчи, — выдохнула она, но голос предательски дрогнул. — Я имею право ужинать с кем хочу. И сейчас я ухожу, мне нужно домой переодеться, у меня вечером свидание, — сказала она, с вызовом глядя на него.

Стас наклонился к самому её уху. Его дыхание обожгло кожу.
— Приятного ужина, Валерия Андреевна.

Он наконец убрал руку, но ещё пару секунд смотрел на неё так, будто хотел запомнить каждую черту.

— Надеюсь, он того стоит, — добавил он, когда Лера повернулась к двери.

Стас смотрел, как она уходит, и решил, что с него хватит.

Он попробовал играть по её правилам. Ему не понравилось. Теперь он будет действовать по-своему.

9.

Лера достала серебристое платье, которое уже несколько лет висело в дальнем углу шкафа с выпускного вечера.

Она так и не решилась его выкинуть.

Платье было простым, но всё ещё блестело, как в тот вечер, когда она танцевала под школьный вальс и чувствовала себя красивой.

Оно тогда сидело на ней идеально, подчёркивая талию и красиво переливаясь под светом разноцветных огней.

Она танцевала до утра, смеялась громко и беззаботно, позволяла себе быть лёгкой и немного безрассудной.

Тогда она искренне верила, что вся жизнь ещё впереди.

Платье казалось ей символом начала.

А потом... жизнь постепенно забрала это у неё.

Сейчас оно казалось чужим, лишь грустным напоминанием о той Лере, которой она давно похоронила под слоем обязанностей и правильных решений.

Серебро было холодным и похожим на металлические доспехи, которые она надела на себя, чтобы стать «взрослой».

Именно в этом платье её впервые поцеловал Дима.

Наверно, надевать его на ужин было не совсем правильно, Дмитрий мог углядеть в этом какой-то скрытый умысел. Но всё было гораздо проще и банальнее. У неё больше не было подходящего наряда.

Как давно она не покупала себе вещей просто так.

Как давно не позволяла себе надевать что-то просто потому, что оно красивое.

Сначала муж начал морщиться: «Это слишком вызывающе для замужней женщины».

И год за годом из её гардероба постепенно пропадало всё яркое, всё, что могло привлечь внимание. Сначала это были «слишком» короткие юбки и платья, затем блузки со «слишком» глубоким вырезом, а со временем исчезли даже цветные шарфы.

А когда появились лекции, статьи, статус преподавателя и она сама перешла на чёрные юбки, белые блузки и строгие пиджаки. Униформа. Броня. Маска, которая давно стала второй кожей.

Так платье перекидывало в дальний угол шкафа, а вместе с ним та девочка, которой она была когда-то.

Теперь в её шкафу ничего не было «слишком».

Там остались только оттенки серого, чёрного и бежевого. Цвета её нынешней жизни.

Потому что так было правильно. Потому что так было безопасно. Потому что именно такой её уважали студенты и коллеги.

Лера тихо вздохнула.

Глядя на своё отражение, она едва узнавала себя.

Повернулась боком к зеркалу, провела рукой по бедру.

Талия осталась прежней, а вот глаза... В них уже не было того дерзкого блеска. Только усталость и вопрос: «Куда всё это делось?»

Платье всё ещё сидело безупречно, но теперь оно казалось ей маскарадным костюмом, который она надела, чтобы хоть на один вечер притвориться, что внутри неё ещё жива та самая легкомысленная, свободная Лера.

«Интересно, подумала она с горькой усмешкой, если бы тогда она знала, во что превратится её жизнь через двенадцать лет... надела бы она его тогда? Вряд ли.»

К платью она достала серебристые лодочки на высоком каблуке.

Редкий гость в её шкафу.

Распустила волосы, оставив несколько прядей у лица, и нанесла чуть больше макияжа, чем обычно. Не для Дмитрия. Для себя.

Чтобы хотя бы на один вечер почувствовать, что она ещё может быть кем-то помимо строгой преподавательницы этики.

Накинув чёрное пальто на плечи, она взяла в руки клатч и ровно в шесть вышла из дома.

Дмитрий ждал у подъезда. Высокий, уверенный, в тёмном пальто и с букетом белых роз. Именно такой, каким и должен быть «нормальный» мужчина.

Увидев её, он улыбнулся искренне, тепло.

— Лера... ты потрясающе выглядишь, — сказал он, протягивая цветы. — Надо же, ты надела то самое платье.

— Спасибо, — она улыбнулась в ответ, но улыбка вышла немного натянутой. — Я надеялась, что ты забыл.

Мужчина улыбнулся, но в глазах его сквозила печаль:

— Я всё помню, Лер.

Он подвёл её к большому чёрному внедорожнику и галантно открыл перед ней дверь. Лера села на пассажирское сиденье, чувствуя запах дорогой кожи и его парфюма.

Всё было правильно. Комфортно, но она не могла избавиться от ощущения, что совершает ошибку.

Дмитрий завёл мотор, и машина плавно тронулась с места.

— Я заказал столик в «Атлантиде», — сказал он, глядя на дорогу. — Там отличная кухня и красивый вид на реку. Я подумал, что тебе понравится.

— Звучит замечательно, — ответила Лера, глядя в окно.

Машина плавно свернула на набережную.

За стеклом проплывал вечерний город. Она должна была чувствовать облегчение.

Рядом сидел красивый, успешный, взрослый мужчина, который говорил о работе, о планах по университету, шутил, улыбался. Всё было так, как должно быть.

Лера незаметно сжала сумочку на коленях.

«Это правильно, — твердила она себе. — Это взрослый выбор. Нормальный ужин. Нормальный мужчина. Нормальная жизнь».

Дмитрий подходил ей по всем параметрам.

Но чем дальше они ехали, тем тяжелее становилось на душе.

Лера кивала, улыбалась в нужных местах, но мысли то и дело возвращались к другому.

Она закрыла глаза на секунду.

Розы пахли слишком сладко, слишком приторно.

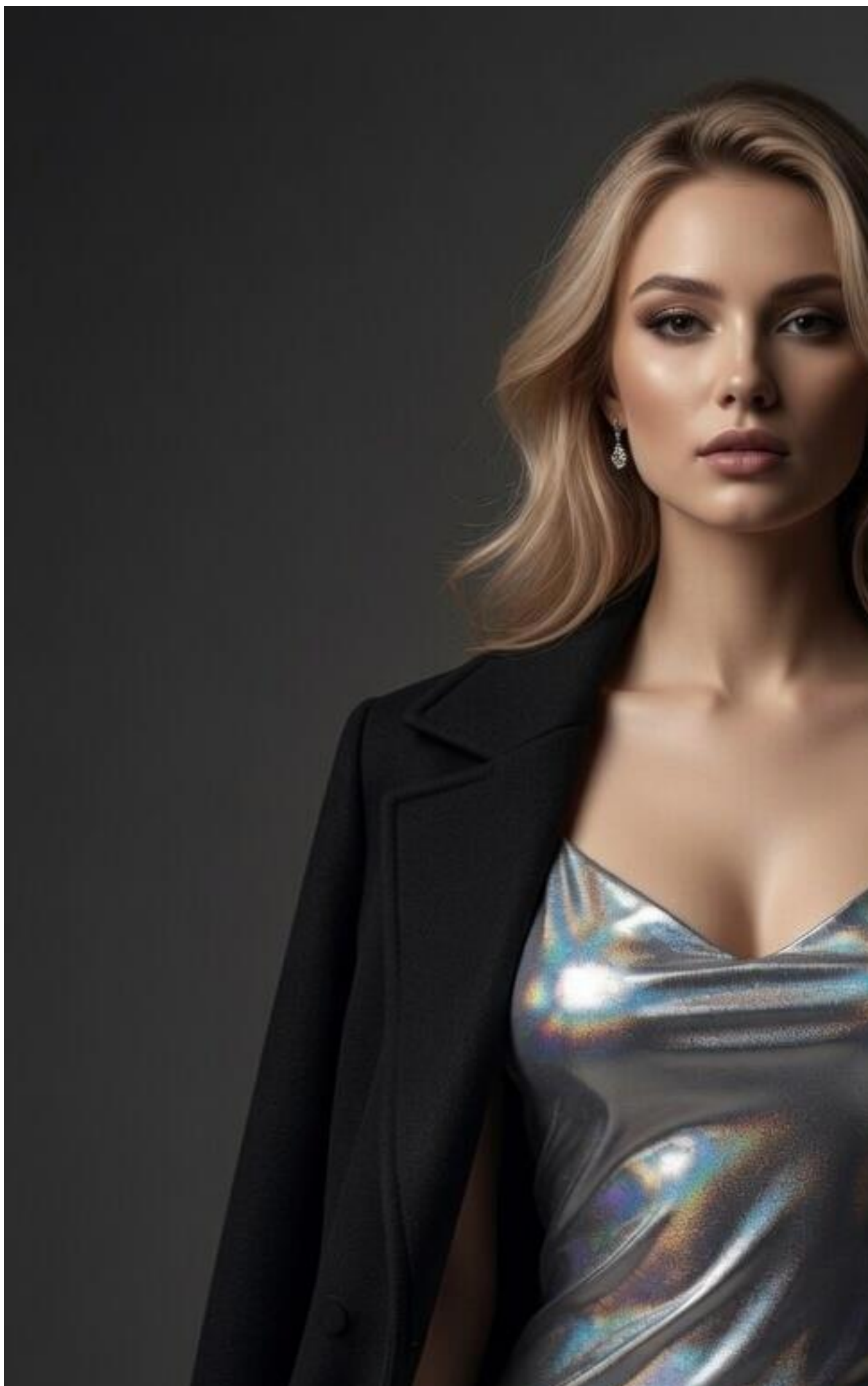
Стас был прав.

Даже сейчас, когда рядом с ней сидел «правильный» мужчина, она думала только о нём.

О дерзком студенте на мотоцикле, который смотрел на неё так, будто она была для него целым миром.

Визуал героини

10.

Ресторан «Атлантида» на набережной был одним из лучших в городе. Он встретил их тёплым светом и тихой фортепианной музыкой.

Дмитрий выбрал столик у окна с видом на реку и отодвинул для неё стул, как настоящий джентльмен.

Лера села, стараясь улыбаться. Всё было правильно: красивый мужчина, хорошее вино, приятный разговор. Но внутри росло странное, неприятное ощущение, будто она играет роль в чужом спектакле.

Официант принёс меню. Дмитрий бегло просмотрел его и уверенно заказал:

— Нам бутылку Chablis 2018 года и устрицы на двоих для начала. Потом филе-миньон для меня и морского окуня для дамы. Соус лёгкий, без лишнего масла.

Он посмотрел на Леру с улыбкой.

— Ты же до сих пор любишь рыбу?

— Да, — кивнула она. — Всё верно.

Когда официант ушёл, Дмитрий поднял бокал с белым вином, которое уже принесли.

— За встречу спустя столько лет, — сказал он мягко. — Ты всё такая же красивая.

— Дима... — Лера предупреждающе посмотрела на него.

— Что? Я просто констатирую факт, — он улыбнулся. — Ты сейчас даже красивее, чем в школе. Только грустная какая-то стала.

Лера чокнулась с ним и сделала глоток. Вино было холодным, сухим, с лёгкой кислинкой. В другое время она бы наслаждалась. Сейчас же вкус почти не чувствовался.

— А как тебе наш университет после столицы? — спросила Лера, пытаясь перевести разговор в безопасное русло.

— Тихо. Слишком тихо. Но есть потенциал. Я пока только присматриваюсь, — Дмитрий пожал плечами. — Но если что, рассчитываю на твою помощь. Ты же знаешь здесь всех. Без тебя мне будет сложно.

Лера вежливо улыбнулась и сделала ещё глоток вина.

— Конечно, помогу, чем смогу.

Разговор тек легко. Дмитрий рассказывал о своих планах по университету, о том, как хочет поднять престиж, привлечь гранты, обновить программы. Он говорил уверенно, с энтузиазмом, как человек, который привык решать проблемы и добиваться результата.

Лера кивала, вставляла комментарии, поддерживала беседу. Но слова Дмитрия проходили мимо. Она думала о другом.

Всё было правильно. Приятно. Комфортно.

Дмитрий был идеальным собеседником — внимательным, остроумным, успешным.

Но чем больше он старался, тем сильнее она чувствовала фальшь всего происходящего.

Она ловила себя на том, что сравнивает.

Сравнивает его спокойную, уверенную улыбку с дерзкой, почти хищной усмешкой Стаса.

Его аккуратные, ухоженные руки — с сильными, в мозолях и ссадинах руками Стаса.

Его ровный, бархатный голос — с низким, хрипловатым голосом, от которого у неё до сих пор бежали мурашки по спине.

Она представляла, как Стас сейчас стоит где-то в темноте, сжимая кулаки, или гоняет на мотоцикле.

Представляла, как он бы смотрел на неё сейчас — не с вежливой улыбкой, а с тем самым голодным, тяжёлым взглядом, от которого у неё подкашивались ноги.

«Прекрати», — мысленно одёрнула она себя и сделала большой глоток вина, пытаясь заглушить то, что творилось внутри.

— ...а ты всё молчишь, — заметил Дмитрий, наклоняясь чуть ближе. — О чём думаешь?

Лера моргнула и заставила себя улыбнуться.

— Извини. Просто... давно не была в таких местах. Отвыкла.

— Тогда нужно исправлять это, — он улыбнулся. — Я серьёзно, Лера. Мне очень приятно снова видеть тебя. И не только как коллегу.

В этот момент её телефон тихо завибрировал.

Лера взяла его в руки, собираясь просто выключить звук, но взгляд упал на экран.

Сообщение было от Стаса:

«Ну как? Ещё не померла с ним со скуки?»

Лера резко выдохнула. Пальцы дрогнули так сильно, что она едва не выронила телефон.

Одна короткая фраза — и весь её тщательно выстроенный вечер начал трещать по швам.

Она отключила телефон и убрала его в сумочку.

Но сообщение ударило точно в цель.

Лера почувствовала, как по телу пробежала горячая волна.

Она взяла свой бокал и выпила его залпом, пытаясь взять себя в руки.

Дмитрий продолжал что-то рассказывать, но она почти не слышала.

— ...и тогда я понял, что Москва — это не моё. Лер, ты меня слушаешь?

— Да, конечно, — быстро ответила она.

«Чёрт бы тебя побрал, Быстров...» — подумала она, сжимая ножку бокала чуть сильнее, чем нужно.

Даже сейчас, когда она сидела за одним столом с «нормальным» мужчиной, он всё равно был здесь — в её голове, в её телефоне, в её теле, которое до сих пор помнило каждое его прикосновение.

Аппетит пропал окончательно. Устрицы, которые только что принесли, вдруг показались безвкусными. Она механически ковыряла вилкой в тарелке.

— Ты в порядке? — спросил Дмитрий, заметив её состояние.

— Да. Просто... душно немного.

Но это была не духота. Это был Стас. Который одним своим существованием разрушал все её попытки «вернуться к нормальной жизни».

11.

Дмитрий продолжал говорить, Лера слушала, кивала, иногда улыбалась. Но даже алкоголь не помогал снять напряжение.

Она чувствовала себя актрисой, которая забыла текст и теперь просто тянет время.

«Почему я не могу просто расслабиться? — подумала она. — Сажу как на иголках».

Она сделала ещё один большой глоток вина и поставила бокал чуть резче, чем следовало. Стекло звякнуло о тарелку.

Лера поморщилась — звук получился слишком громким в уютном полумраке ресторана.

Дмитрий вопросительно посмотрел на неё, но она лишь слабо улыбнулась и сделала вид, что всё в порядке.

Вокруг пахло дорогим вином, трюфельным маслом и едва уловимыми духами женщин за соседними столиками. Всё вокруг было изысканно и спокойно. А внутри Леры всё вибрировало, как натянутая струна.

Мужчина долил ей ещё вина и поднял свой бокал.

— Что мы всё обо мне и обо мне. Давай выпьем за тебя. Ты стала известным преподавателем этики и философии. Это впечатляет.

Он сделал глоток, не отрывая от неё глаз.

Лера грустно улыбнулась.

— Ничего особенного. Лекции, статьи, конференции. Работа стала единственной целью.

— Расскажи, как ты жила все эти годы, — попросил мужчина.

Лера отвела взгляд.

— Не о чем рассказывать особо, Дим. Неудачный брак, а потом только карьера.

Сначала пыталась быть хорошей женой, потом — хорошим преподавателем. Успеха добилась только во втором. И то я не уверена до конца в этом.

— А как же личная жизнь?

— Не сложилось, — коротко ответила она.

— Жаль, — искренне сказал Дмитрий. — Хотя, честно говоря, я рад. Значит, у меня появился шанс.

Он улыбнулся — открыто, тепло, без всякого давления.

Так искренне, что Лере стало неловко. Когда-то эта улыбка могла заставить её сердце биться чаще. Сейчас она вызывала лишь чувство вины.

Она чувствовала себя странно. С одной стороны — старый знакомый, друг юности. С другой — новый временный ректор, человек, от которого теперь во многом зависела её работа.

— Дим, мы уже давно не дети. К тому же столько воды утекло...

Дмитрий посмотрел на неё серьёзно.

— Скажи честно. У тебя кто-то есть?

Лера замешкалась на секунду.

Перед глазами мелькнуло лицо Стаса.

— Нет, — ответила она чуть быстрее, чем хотелось. — Никого.

Дмитрий кивнул, в его глазах промелькнуло удовлетворение.

— Хорошо. Значит, я не опоздал.

Им принесли десерт — воздушный шоколадный мусс с вишневым соусом — и разговор на секунду прервался.

— Если честно, я перевёлся сюда не просто так, — сказал Дмитрий. Он крутил бокал в руке, глядя на рубиновую жидкость. — Когда узнал, что ты работаешь в этом университете... решил, что это знак.

Он поднял на неё глаза. В них было тепло, уверенность и что-то очень знакомое — то, что когда-то давно ей нравилось.

Но вместо приятного волнения она почувствовала только лёгкую тяжесть в груди.

Лера чуть приподняла бровь.

— Знак?

— Да. Я подумал, что пора перестать бегать от прошлого. — Он посмотрел ей в глаза. — Мы когда-то были очень близки. А потом ты уехала... Я до сих пор жалею, что не поехал за тобой тогда сразу. Почему ты не дождалась меня?

Лера опустила взгляд в бокал.

— Не знаю. Мне казалось, что я его люблю. Алексей был старше меня, уверенный в себе и так красиво говорил. А я была глупой и очень боялась остаться одна.

Лера почувствовала лёгкий укол. Имя бывшего мужа прозвучало как старый, давно заживший шрам, по которому провели ногтем.

— А сейчас?

— Сейчас я боюсь совсем других вещей, — тихо ответила она.

Мысли снова вернулись к Стасу. Она вспомнила его тяжёлый взгляд, когда он целовал её на кухне. Запах его кожи, смешанный с бензином и парфюмом. То, как он мог одним словом заставить её забыть обо всём на свете.

Мужчина помолчал пару секунд, потом мягко сказал:

— Может, стоит попробовать заново? Нам было хорошо вместе.

— Я пока не готова к чему-то серьёзному... — начала она, но он мягко перебил её, накрыв её руку своей ладонью.

— Я понимаю, — кивнул он. Хотя в глазах мелькнуло лёгкое разочарование.

— Мы оба изменились с тех пор, — произнесла она и отвела взгляд к окну, за которым медленно текла чёрная река.

— Я не тороплю, — сказал мужчина и слегка сжал её пальцы.

Лера осторожно высвободила руку под предлогом того, что нужно взять бокал.

Вино не помогало.

Дмитрий был тёплым, надёжным, взрослым. Правильным, как тёплый плед в холодный вечер.

Он предлагал ей стабильность.

А она думала о Стасе, который был сама опасность.

И от одной мысли о нём внутри всё переворачивалось. С ним всё было остро, почти больно. Он ничего не мог ей предложить.

Но она, похоже, окончательно сошла с ума, потому что безопасность теперь казалась ей пресной.

Ей, идиотке, хотелось огня.

Она сделала ещё глоток и мысленно выругалась.

«Что со мной не так?»

12.

Ужин подошёл к концу. Шоколадный мусс был съеден почти механически — Лера почти не ощущала его вкуса на языке. Вино сделало своё дело: в голове слегка шумело, но напряжение не ушло, а только притупилось, превратившись в апатию.

Дмитрий расплатился, не позволив ей даже взглянуть на счёт. Они вышли из ресторана в прохладную ночную свежесть. Воздух над рекой был влажным. Фонари отбрасывали длинные золотистые дорожки на чёрной глади.

— Я отвезу тебя, — сказал он, открывая дверь своей машины. — И не спорь. Уже поздно.

Лера кивнула. На возражения не было сил. Ей просто хотелось поскорее оказаться дома. Она села на пассажирское сиденье, и салон сразу окутал её тихим комфортом дорогой кожи и едва уловимым древесным ароматом его парфюма. Дмитрий завёл мотор, и город медленно поплыл за окном.

Сначала они молчали. Только тихая музыка — что-то инструментальное, спокойное — заполняла пространство. Лера смотрела на проплывающие огни, на мокрые от недавнего дождя улицы, на редких прохожих под зонтами. В голове крутились обрывки разговора за ужином. Его улыбка. Её собственная ложь про «никого».

— Знаешь, — тихо начал Дмитрий, не отрывая глаз от дороги, — сегодня я понял, что почти ничего не изменилось. Мои чувства к тебе остались прежними, несмотря ни на что.

Лера повернула голову. В свете уличных фонарей его профиль казался мягче, чем в ресторане.

— Дим, я хочу быть честной с тобой, поэтому не могу сказать того же. Я сама не понимаю, что сейчас чувствую. Просто устала, видимо. День был тяжёлый.

Он кивнул.

— Лер, я не хочу давить. Правда. Но когда я узнал, что ты здесь... в одном университете... это было как будто судьба наконец-то дала мне второй шанс. Я столько лет думал о тебе. О том, как всё могло бы сложиться, если бы я тогда не отпустил.

Машина мягко повернула на набережную. Дмитрий вёл уверенно, одной рукой на руле, второй иногда поправляя зеркало. Лера заметила, как он периодически бросает на неё короткие взгляды — тёплые, заботливые. От этого становилось ещё тяжелее.

Она сглотнула.

— Дим... мы были детьми. Я уехала, потому что хотела большего. Или думала, что хотела. А потом всё пошло по накатанной: брак, развод, работа. Жизнь.

— Но я тебе не противен? — уточнил он осторожно.

Лера отвернулась к окну.

— Нет. С тобой тепло и комфортно. Ты, как любимые домашние тапочки, которые уже стёрты до дыр, но с ними всё равно трудно расстаться.

Мужчина хмыкнул:

— Тоже неплохо.

— Давай сменим тему, — попросила она. — Тебе было не страшно так резко и кардинально поменять свою жизнь?

Он усмехнулся.

— Страшно. Но интересно. Столько всего нужно менять... бюрократия, старые привычки. Но я люблю вызовы. А ты? Твои лекции по этике — я слышал, студенты в восторге.

Лера пожала плечами.

— Стараюсь. Хотя иногда кажется, что учу их тому, во что сама уже не очень верю. Этика... мораль... когда в жизни всё так запутанно.

Они говорили ещё минут двадцать. О университете, об общих знакомых, о том, как изменился город за эти годы. Разговор был лёгким, приятным. Дмитрий умел поддерживать нить, не давал повисать паузам. С ним было ровно. Спокойно.

А внутри Леры бушевала волна протеста.

«Почему я не могу просто принять это? — думала она, глядя на его руки на руле. — Нормальный, успешный, надёжный мужчина. Не играет, не манипулирует. Хочет быть рядом. А я...»

Мысль о Стасе обожгла. Она вспомнила, как он прижимал её к себе, как его голос становился низким и властным. После него всё остальное казалось безвкусным, лишённым остроты.

— Ты замерзла? — вдруг спросил Дмитрий, заметив, что она поёжилась.

— Немного.

Он включил печку. Тёплый воздух начал расползаться по салону. Лера закрыла глаза на секунду. Машина повернула в её район — тихие дворы, старые дома с освещёнными окнами.

Дмитрий припарковался у тротуара. Мотор затих. Стало очень тихо. Только редкие капли дождя стучали по крыше.

Лера уже потянулась к ручке двери, когда он мягко коснулся её запястья.

— Подожди.

Она повернулась. Его лицо было всего в паре сантиметров от её. В полумраке салона его глаза казались тёмными и очень серьёзными. Лера почувствовала на коже его дыхание.

— Можно? — спросил Дмитрий шёпотом.

Сердце стукнуло тяжело. Она смотрела на него — на знакомые черты, на лёгкую щетину, на искренность во взгляде. Внутри боролись два желания: одно — убежать, закрыть дверь и остаться одной. Второе — попробовать. Дать себе шанс почувствовать хоть что-то.

И Лера позволила. Она надеялась, что не зря говорят, что клин клином вышибают. И дело действительно не в Стасе, а в том, что последние пару лет она старательно избегала любой близости с мужчинами.

Дмитрий не стал торопиться. Он наклонился медленно, давая ей время передумать. Его ладонь осторожно легла на её щеку — тёплая, чуть шершавая. Губы коснулись её губ мягко, почти благоговейно. Поцелуй был нежным. Осторожным. Он не требовал — он просил. От него немного пахло вином, десертом и спокойствием.

Лера ответила. Сначала робко, потом чуть сильнее. Его вторая рука легла ей на талию, притягивая ближе, но без нажима. Поцелуй длился недолго — секунд двадцать, не больше. Он был хорошим. Правильным.

Дмитрий был всем, о чём она когда-то мечтала в юности. Надёжным. Взрослым. Тем, кто не исчезнет и не предаст.

Всё было идеально. Как в хорошем фильме.
Но сердце молчало.

Не было того электричества, которое пробегало по позвоночнику от одного взгляда Стаса. Не было той слабости в коленях, когда хочется сдаться полностью.

Не было ничего, лишь вежливый интерес и любопытство.

Когда Дмитрий отстранился, на его губах играла мягкая улыбка.
— Спасибо, — прошептал он. — Как давно я этого не делал. Уже забылось это ощущение.

Лера кивнула, не находя слов. Губы горели. Но внутри... внутри было пусто.

И глядя на Дмитрия, она с ужасом поняла, что думает о другом мужчине. Даже в этот момент.

Перед глазами так и стояло лицо Стаса — тяжёлый, почти хищный взгляд, которым он смотрел на неё на кухне. Запах бензина и его кожи. Как он завладел её губами. Он не спрашивал. Просто брал, то, что считал своим.

Лера вымученно улыбнулась в ответ — насколько смогла искренне.
— Спокойной ночи, Дим. Спасибо за вечер.

— Спокойной ночи. Я напишу завтра, ладно?
— Хорошо.

Она вышла из машины. Холодный ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя.

Лера вошла в подъезд. Внутри было темно и тихо. Она споткнулась на первой же ступеньке и чуть не упала.

— Чёрт бы их побрал! Почему не горят эти дурацкие лампочки? — тихо выругалась она, нащупывая перила.

В крошечной тьме невозможно было разобрать ничего.

Она поднялась на свой этаж практически на ощупь.

Но на площадке она вдруг почувствовала движение. Тишину нарушил едва слышный шорох.

Холодный пот выступил на спине — кто-то был здесь, совсем рядом, во мраке.

Сердце ухнуло вниз за мгновение до того, как сильные мужские руки резко обхватили её сзади, прижав всем телом к стене.

13.

Дыхание участилось, в висках застучало.

Лера открыла рот, чтобы закричать, но чьи-то губы жадно впились в её, сминая и подчиняя.

На секунду она замерла от неожиданности.

Поцелуй был совсем не таким, как несколько минут назад. В нём не было ни просьбы, ни нежности, только голод и злость.

Язык вторгся в её рот, будто завоеватель в побеждённую креп

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.